

Ирина ШЕСТАКОВА

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ТРАДИЦИИ КРИТИКИ СОЦИАЛЬНОГО УТОПИЗМА

В данной статье рассматриваются некоторые отечественные традиции анализа социального утопизма и утопического сознания.

The article examines some national traditions of social utopism and utopian consciousness analysis.

Ключевые слова:

утопия, социальный утопизм, критика; utopia, social utopism, criticism.

В 1789 г. был опубликован русский перевод книги Томаса Мора «Утопия». Само же явление утопического творчества давно прописалось на русской почве. На фоне вековечных народных мечтаний о Беловодье, граде Китеже и других «местах обетованных», где хорошо живется простым людям, и в различных слоях образованного общества всегда разрабатывались варианты представлений о желаемом будущем. Размах утопических чаяний сыграл существенную роль в нашей истории. Развитие утопических идей в России давно изучается и достаточно неплохо описано в трудах исследователей. Поэтому более любопытным предметом анализа представляется исследование отношения русских мыслителей к утопии, рефлексия по ее поводу. Обращение к истории вопроса полезно для самосознания современного общества.

Толчком к постановке вопроса о роли утопических проектов в жизни общества в начале XIX в. послужило осмысление хода и итогов Французской революции. Н.М. Карамзин был непосредственным наблюдателем революционных событий. В различных по жанру произведениях писателя неоднократно встречаются размышления о том, что «лестные мечты воображения» могут быть бесплодными и вести к непредсказуемым последствиям. В «Записке о древней и новой России», анализируя уже отечественный опыт, Карамзин отмечает умозрительность некоторых реформ Петра I и Екатерины II. Это не помешало самому историографу создать свой вариант утопического идеала патриархального самодержавия.

Понятие утопии активно используется в полемике между славянофилами и их идейными противниками. П.Я. Чаадаев обозначает идеалы славянофилов как «ретроспективную утопию».

Такой подход к утопии еще не был полноценным анализом утопии как явления, термин использовался как средство критики идейных противников.

Первоначально осмысление основания, механизмов и последствий утопического прожектерства начинается в рамках литературного творчества. Например, в первой половине XIX в. В.Ф. Одоевский в небольшом произведении «Город без имени» показал неизбежность крушения общества, основанного на последовательно проводимом бентамовском принципе пользы. М.Е. Салтыков-Щедрин неустанно развенчивал в своем творчестве «перлы» официального утопизма («История одного города»), народнические иллюзии.

Особое место в отечественной утопиологии занимает Ф.М. Достоевский. Он глубоко проник в сущность утопизма и показал неизбежность трагической коллизии: ни без утопии, ни по утопии человек жить не может. Без мечты о «золотом веке» жизнь тускла и безрадостна («Сон смешного человека» из «Дневника писателя»), но в то же время планы устроительства всеобщего счастья чреватые

ШЕСТАКОВА

Ирина

Сергеевна —

к. филос. н., доцент;

доцент кафедры

гуманитарных

наук Бийского

технологического

института —

филиала Алтайского

государственного

технического

университета

им. И.И. Ползунова

ishestakova@inbox.ru

«насильственным муравейником». Так возникает одна из существенных проблем при осмыслении сущности утопизма — проблема свободы. Даже в «хрустальном дворце» со всеми удобствами человек не будет счастлив, не живя по собственной воле (даже если она глупа, нелепа и вредна для него же). Писатель рассматривает и другой вариант — если свобода тягостна и человек готов от нее отказаться (вот когда появляется мотив «бегства от свободы»!). В знаменитой «Легенде о Великом Инквизиторе» проблема намечается и осмысливается предельно широко, в экзистенциально-трансцендентальном ключе. В романе «Бесы» вывод социально конкретен: «освободители» безгласных масс приходят к безграничному деспотизму.

Богатый материал для изучения проблемы идеала и утопии дали европейские революционные события 1848 г. На этот раз их наблюдателем и критиком стал А.И. Герцен. Он неоднократно обращался к проблеме пределов воплотимости идеала, идейного проведения в жизнь, говоря о том, что эти пределы поставлены самой жизненной почвой, т.к. она не является пассивным, страдательным материалом для нашей творческой деятельности. Насильственное воплощение неукорененного в действительных тенденциях проекта в жизнь чревато жертвами и, в конечном счете, разрушением возведенной конструкции. Новое входит в мир из борьбы утопизма и консерватизма, оно является таким, каким его не ожидала ни одна из сторон — вот что необходимо понять и к чему быть готовым любым реформаторам.

Моменты критики утопизма можно проследить в творчестве В.С. Соловьева. Он, например, критиковал фальшь славянофильского идеала, основанного на «безобразной смеси фантастических совершенств с дурной реальностью». Заслуживает в этом смысле внимания и полемика философа с Л.Н. Толстым, где центральным вопросом являлась проблема развития русского общества. Главную ошибку Толстого В.С. Соловьев видел в том, что писатель решения социального вопроса хочет достигнуть личным подвигом отдельных людей. Несостоятельность и фантастичность такого проекта очевидна для философа: для развития человеческой свободы и нравственности, безусловно, необходимо обустроенное общество.

Не просто критике отдельных утопических проектов или их сторон, а выяснению глубинных оснований утопического творчества посвятили много усилий мыслители конца XIX — первой половины XX вв. Опыт российских революций стал и причиной, и основанием их исследований.

Выдающийся правовед П.И. Новгородцев посвятил исследованию утопизма часть своего центрального труда «Введение в философию права». Эта часть называется «Об общественном идеале», и создавалась она в 1917–1920 гг. Новгородцев связывает утопизм с верой в возможность абсолютного существования идеала и отмечает, что это означает чудо всеобщего преобразования, прерывание развития общества. Рассматривая новую и новейшую историю Европы, этот мыслитель выделяет и анализирует три основных варианта выдвигания утопического идеала: политический идеал Руссо (перемещение власти от немногих ко всем), идеал абсолютного индивидуализма Ницше и анархизм Толстого. Он утверждает, что в основе каждого из них лежит справедливое требование, неразрешенная проблема общественного развития, но, тем не менее, в своих абсолютных претензиях эти идеалы несостоятельны как теоретически, так и практически. П.И. Новгородцев на место отвергаемого им утопического подхода к общественному идеалу выдвигает взвешенное и творческое понимание того, что абсолютное осуществление идеала в относительных формах невозможно, но в каждой ступени этого относительного прогресса осуществляется Абсолютное. Мыслитель выражает надежду, что в XX в. европейское общество изживет столь очевидно несостоятельный утопизм.

Не разделяет этот оптимизм Г.В. Флоровский. Продолжая тему П.И. Новгородцева, посвящая его памяти работу под названием «Метафизические предпосылки утопизма», этот религиозный мыслитель утверждает, что «утопизм есть постоянный и неизбывный соблазн человеческой мысли»¹. В основе его лежит этический натурализм, принципиальное уравнивание должного и сущего. Из этого проистекает вера во всецелую рационализируемость общественной жизни, в «институционализм». Утопист трактует

¹ Флоровский Г.В. Метафизические предпосылки утопизма // Вопросы философии, 1990, № 10, с. 83.

развитие общества в телеологических категориях, видит в истории предзаданную цель, поэтому человек, его свобода, творчество становятся ненужными, лишними. Утопизм, по мнению Г.В. Флоровского, — целостное мировоззрение, это натуралистический монизм. Спасение от утопического соблазна мыслитель видит только в церкви и через церковь.

Также с позиций религиозной философии критикует утопизм С.Л. Франк. Он пишет о «ереси утопизма», замысле спасения мира самочинной волей человека. И доказывает, что «утопизм, уповающий на осуществимость полноты добра через общественный порядок, имеет имманентную тенденцию к деспотизму»¹.

Фанатизм, догмат собственной непогрешимости — вот основа, на которой наилучшие намерения осчастливить людей превращаются во зло, а спасители человечества — в палачей. Таков неизбежный конец осуществляемой утопии. В духовно-нравственной области — религиозное понимание земного несовершенства, в политической — демократия как свободное волеизъявление всех членов общества — вот что, по мнению С.Л. Франка, может обезопасить общество от негативных последствий утопизма.

Если предыдущие философы рассматривали социализм как один из видов утопизма, всецело не совпадающий с религиозным мировоззрением, то С.Н. Бул-

гаков смотрит на эту тему иначе: мыслитель призывает не отбрасывать его, рассмотреть пророчество и в социализме. Утопичность социализма для Булгакова — в призыве к земному счастью. Для религиозного философа в этом нет ничего желательного, ничего идеального. Ибо не для счастья рожден человек, и не к счастью должен стремиться, но к духовному росту, который совершается лишь ценою борьбы, страданий, испытаний. Счастье, понимаемое как сытость и мещанское благополучие, приведет к варваризации, угасанию духа.

Закончим наш краткий обзор обращением к творчеству Н.А. Бердяева. В «Новом средневековье» он выдвигает тезис об осуществимости утопий, под знаком которого развивается современная утопиология. Обращаясь к проблеме утопического творчества во многих произведениях, философ уделяет особое внимание тому, что в жизни парадоксальным образом переплетаются утопические и неутопические моменты, потому к констатации утопизма той или иной идеи надо подходить очень осторожно.

Анализ дискуссий, развернувшихся в российском обществознании XIX — первой половины XX в. по поводу утопизма как аспекта культуры полагания общественного идеала, чрезвычайно полезен для современного общества. Он позволяет увидеть системную полномерную модель данного явления, а историческая дистанция делает возможной оценку предсказаний и выводов ее участников.

¹ Франк С.Л. Ересь утопизма // Квинтэссенция: Философский альманах, 1991. — М.: Политиздат, 1992, с. 384.